

Некоторые проблемы судебной защиты прав потерпевшего

Хаиров Ю.И.

кандидат юридических наук,
председатель Охинского городского суда Сахалинской области

В статье затрагиваются актуальные проблемы судебной защиты прав потерпевшего, анализируются мнения ученых и юристов-практиков, касающиеся процессуальных форм доступа потерпевшего к правосудию, возмещения причиненного преступлением вреда, вносятся предложения по изменению действующего законодательства.

Защита прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью является не только российским (ст. 52 Конституции Российской Федерации), но и европейским стандартом современного уголовного судопроизводства (ст. 13 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод).

УПК РФ 2001 г., сменив акценты, также указал защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, в качестве первоочередной задачи, стоящей перед уголовным судопроизводством. Действующий УПК Кыргызстана, хотя и признал защиту пострадавших от преступлений, оставил задачами данного закона прежнее, т.е. быстрое и полное раскрытие преступлений и т.д. В то же время содержит более широкий, чем УПК РФ, круг прав потерпевшего, в частности, участвовать в судебном рассмотрении жалоб и представлений, требовать с осужденного компенсации морального вреда [2].

Верховенствующая роль в деле защиты прав и свобод человека и гражданина принадлежит правосудию. Однако правосудие может признаваться таковым лишь при условии обеспечения свободного доступа к нему и достижения определенного положительно-го результата (эффективного восстановления в правах). В современных условиях демократизации уголовного судопроизводства можно с уверенностью сказать, насколько свободен доступ к правосудию, настолько обеспечиваются другие его основополагающие начала,

в частности, состязательность и равноправие участников.

В таком производстве, направленном на восстановление нарушенного права, как заметил В.Т.Томин, объективно противоречивые интересы потерпевшего и обвиняемого должны находить баланс, что не происходит [27]. Отмечая это, одни авторы подчеркивают недостаточную урегулированность положения потерпевшего в уголовном процессе по отношению к обвиняемому [28, С.230]; другие отмечают, что законодательные формулировки, касающиеся охраны и обеспечения прав законопослушных граждан (в частности, потерпевших от преступлений), как правило, носят печать декларативности [26]; третьи выступают более резко, говоря о том, что многие гарантии обвиняемого законодатель фактически формирует за счет ущемления законных интересов потерпевшего [27], а действующая система судов и судебные процедуры далеко не всегда позволяют человеку в полной мере использовать предоставленное ему Конституцией РФ право на обращение в суд для отстаивания своих прав [10].

В отличие от УПК РСФСР 1960 г. Уголовно-процессуальный кодекс РФ 2001 г. и последующие его редакции расширили права потерпевших от преступлений, предусмотрев ряд новелл. В частности, потерпевшему было предоставлено право на обжалование действий следователя, дознавателя на досудебной стадии процесса в суд (ст. 125 УПК в редакции

Федеральных законов от 04.07.2003 № 92 – ФЗ и от 08.12.2003 № 161 – ФЗ). Предусмотренные права: ходатайствовать о предоставлении для ознакомления с обвинительным актом и материалами уголовного дела после окончания дознания (ч.3 ст. 225 УПК в редакции Федерального Закона от 29.05.2002 № 58-ФЗ); участвовать в прениях и другие, способствовали активизации роли потерпевшего на стороне обвинения. Степень своевременности и оправданности этих изменений является одним из показателей эффективности современного уголовно-процессуального регулирования.

Однако многие предложения и пожелания ученых и практикующих юристов, касающиеся прежде всего некоторых процессуальных форм доступа потерпевшего к правосудию и возмещению причиненного преступлением вреда, новый закон не воспринял, поэтому они продолжают находиться в центре внимания ученых и правоприменителей. На некоторых из них мы попытаемся остановиться в данной статье, не претендую на исчерпанность и углубленность рассмотрения этих острых проблем. Исторически эта проблема правосудия выглядит как ограничение государством абсолютного права потерпевшего на обвинение (преследование) и наказание (карь) причинителя вреда. В свою очередь правосудие (судебная власть) является результатом самоограничения государством своей абсолютной власти [16].

В Российской Федерации в большей степени благодаря советскому периоду исторически сформировался такой порядок отправления правосудия, при котором инициатива по осуществлению уголовного преследования и защиты потерпевшего принадлежала исключительно государственным органам, а активность самого пострадавшего была минимизирована. В современных условиях потерпевший продолжает оставаться инициатором только начала работы механизма правосудия (обращение с заявлением о совершенном или готовящемся преступлении), однако дальнейшее его функционирование на досудебной стадии поддерживают и контролируют органы, ответственные за производство по уголовному делу (так, пострадавший от преступления процессуально вступит в дело лишь после признания его в качестве потерпевшего). Поэтому мы пред-

лагаем предусмотреть в законе определенный срок, например, десятидневный (с момента предъявления обвинения), в течение которого дознаватель или следователь должен вынести постановление о признании лица в качестве потерпевшего.

Но даже признание потерпевшего в качестве такового делает его пассивным, ожидающим результатов окончания предварительного расследования в условиях нарождающейся состязательности. Поэтому другим важным условием эффективности процессуального закона является обеспечение полной согласованности уголовно-процессуальных норм в системе уголовно-процессуального права и уровня законодательной техники. Несмотря на то, что законодатель формально в уголовно-процессуальных отношениях провозглашает состязательность и равенство сторон, обязанности субъекта расследования и суда по отношению к ним он формулирует по-разному. Так, по отношению к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому он обязывает их к активным действиям. При определении статуса потерпевшего используются управомочивающие нормы, реализующиеся посредством использования.

Так, если обвиняемому вручается прокурором копия обвинительного заключения (ст. 222 УПК РФ в редакции Федерального Закона от 04.07.2003 № 92-ФЗ), то потерпевший получает его (без приложений), если он ходатайствует об этом. Обвиняемый, его защитник должны быть ознакомлены с обвинительным актом и материалами уголовного дела (ст. 225 УПК РФ в редакции Федерального Закона от 29.05.2002 № 58-ФЗ), а потерпевшему или его представителю по его ходатайству могут быть представлены для ознакомления обвинительный акт и материалы уголовного дела.

На стадии судебного разбирательства потерпевший и его представитель может также участвовать в прениях сторон (ст. 292 УПК РФ), им могут быть вручены по их ходатайству копии судебных постановлений (в то время как другим участникам процесса они вручаются в обязательном порядке). Далее на стадии исполнения приговора участие потерпевшего вовсе исключено (ст. 399 УПК РФ), несмотря на то, что в судебном заседании (то есть в про-

цессуальной форме, которая призвана обеспечить участие сторон) решаются вопросы дальнейшего исполнения наказания, которые прямо затрагивают его интересы.

Разумеется, проводить тождество между статусами обвиняемого (подсудимого) и потерпевшего не следует, понятие равенства сторон – это вещь относительная (в отношении первых действует презумпция невиновности, а в отношении потерпевшего в большей степени презумпция знания). Однако бездействие дознавателя, следователя в одном случае обернется халатностью и повлечет наказание, а во втором варианте (в отношении к потерпевшему) можно будет квалифицировать как нежелание правоприменителя распорядиться своими возможностями. Таким образом, доступ к правосудию подозреваемому, обвиняемому, подсудимому обеспечен, а потерпевшему возможен.

По смыслу ст. ст. 21, 22 УПК РФ уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляют прокурор, а также следователь и дознаватель, а потерпевший, его законный представитель и (или) представитель вправе участвовать в уголовном преследовании обвиняемого. Ученые, выступающие за расширение полномочий потерпевшего, не без оснований ссылаются на международный опыт. Если обратится к опыту Швейцарии, то окажется, что в соответствии с абз. 2 ст. 8 Закона о помощи жертвам преступлений от 04.10.91 г. потерпевшему предоставлено право на получение информации о «всех решениях по его делу». В штатах Флорида и Мичиган (США) потерпевшим гарантируется право на участие в судебном процессе на любой стадии, вплоть до момента принятия судом решения об освобождении осужденного на определенных условиях досрочно [3].

Следующим условием эффективности уголовно-процессуального института потерпевшего является информированность потерпевших от преступлений о сущности, о круге тех прав, которые предоставляет ему законодатель. Как правило, физические лица, выступающие в роли потерпевших, не имеют специальных юридических познаний для того, чтобы самостоятельно представлять доказательства,

в редких случаях прибегают на этой стадии уголовного процесса к помощи представителя (адвоката), возможность их участия в следственных действиях, производимых по их ходатайству, законодателем отдана на откуп следователю или дознавателю (ст. 42 УПК РФ).

При действующем статусе потерпевшего в уголовном судопроизводстве предложения некоторых авторов: повысить процессуальную активность потерпевшего лишь одним обеспечением ему знания и понимания своих процессуальных прав (даже путем подробного разъяснения следователем, прокурором, судьей механизма их использования), проблему, вряд ли, решат. Это скорее проблема правовой культуры как потерпевшего, так и соответствующего должностного лица, включая судью.

В этом плане заслуживает пристального внимания проблема представительства в уголовном процессе (п. 8 ч. 2 ст. 42 УПК РФ). В литературе не раз обращалось внимание на неравенство сторон в обеспечении права на защиту интересов участников процесса. Неравенство в обеспечении рассматриваемого права потерпевшего по сравнению с подозреваемым (обвиняемым, подсудимым) проявляется в том, что, во-первых, законом не предусмотрены случаи обязательного участия адвоката-представителя потерпевшего в уголовном деле; во-вторых, не предусмотрена обязанность следователя, прокурора, суда обеспечить участие в деле представителя [22]. Особенно от этого страдают потерпевшие из числа малоимущих, престарелых, военнослужащих, права которых часто игнорируются.

Так, например, по делу Колесника потерпевшая не была ознакомлена с материалами предварительного расследования (несмотря на то, что она обращалась с заявлением, в котором указывала на неизвещение о ходе расследования), была лишена возможности присутствовать в судебном заседании, выступать в поддержку погибшего сына, ходатайствовать о вызове свидетелей, способных объективно охарактеризовать Колесника, а также предъявить материальные претензии к войсковой части. Данные нарушения прав потерпевшего повлекли отмену приговора военного суда Дальневосточного военного округа [23].

Существующее мнение, что функция защиты потерпевшего возложена на прокурора, не совсем верно. Если потерпевший защищает свои права путем участия на стороне обвинения, то прокурор, как участник уголовного судопроизводства, выполняет функцию обвинения от имени государства. В условиях многофункциональности органов прокуратуры и большой загруженности, защита интересов потерпевших нередко уходит на второй план (по этой же схеме ведется статистика в органах прокуратуры, где в первую очередь учитываются сведения о лицах, подвергшихся уголовному преследованию). При этом прокурор может отказаться от обвинения и его позиция по этому вопросу может быть не связана с позицией потерпевшего, в то время как адвокат не может отказаться от защиты обвиняемого (подсудимого).

Потерпевший самостоятельно приглашает адвоката (представителя), которому сам оплачивает вознаграждение, и лишь по окончании судебного разбирательства, в приговоре суда решается вопрос о возмещении судебных расходов, реальное получение которых отсрочивается в случае обжалования сторонами судебного постановления. Но в случае, если адвокат (защитник подозреваемого, обвиняемого, подсудимого) участвует в производстве предварительного расследования или судебном разбирательстве по назначению дознавателя, следователя, прокурора или суда, расходы на оплату его труда компенсируются за счет средств федерального бюджета (ч. 5 ст. 50 УПК РФ).

Согласно ч.1 ст. 45 УПК РФ представителями потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя могут быть адвокаты, а представителями гражданского истца, являющегося юридическим лицом, также иные лица, правомочные в соответствии с ГК РФ представлять интересы. Такая конструкция института представительства в действующем УПК предполагала в теории и на практике адвокатскую монополию на представление интересов потерпевшего и гражданского истца [25], до тех пор, пока Конституционный Суд РФ не сформулировал свою правовую позицию по данному вопросу. Определениями от 05.12.2003 № 446-О и от 05.12.2003 № 447-О

было признано, что ч.1 ст. 45 УПК РФ по ее конституционно-правовому смыслу не исключает возможности привлечения в качестве представителя по ходатайству потерпевшего или гражданского истца иных – помимо адвокатов – лиц, в том числе близких родственников. Лишение этих лиц права обратиться за юридической помощью к тому, кто, по их мнению, вполне способен оказать квалифицированную юридическую помощь, фактически приводило бы к ограничению свободы выбора, к принуждению использовать вопреки собственной воле только один, определенный способ защиты своих интересов и противоречило бы ст. 52 Конституции РФ.

Таким образом, в настоящее время представителями потерпевшего, гражданского истца может быть любое лицо, полномочия которого отражены в доверенности, выданной и оформленной в соответствии с федеральным законом. В отличие от него в качестве представителя гражданского ответчика может быть допущено, по сути, любое лицо, в отношении допуска которого заявлено соответствующее ходатайство [25]. Потерпевший может и не осуществлять свои права на участие в процессе, в таком случае представитель обязан полностью использовать предоставленные ему права по защите интересов потерпевшего. В то же время уголовно-процессуальный закон не содержит запрета на отказ представителя от участия в процессе, как это имеет место в отношении адвоката-защитника подозреваемого, обвиняемого, подсудимого (ч.7 ст. 49 УПК РФ), в случае, когда позиции потерпевшего и представителя по делу расходятся [24].

Поэтому, на наш взгляд, назрела необходимость введения института обязательного участия адвоката в качестве представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве, на что в современном обществе имеются и материальные предпосылки. Такое решение законодателя сняло бы несколько важных проблем, главной из которых автор статьи считает возмещение причиненного преступлением вреда (такой представитель был бы заинтересован в каждом случае заявлять от имени потерпевшего гражданский иск, который им

составлялся бы правильно по форме и содержанию).

В юридической литературе не раз подчеркивалась исковая природа обвинительного заключения, посредством которого обвинительная власть считает возможным предъявлять суду свои притязания (иск) на уголовное преследование обвиняемого в суде, считая их достаточно доказанными для обоснования обвинительных тезисов непосредственно в рамках состязательной процедуры [11]. Однако это мнение имеет и своих противников. Однако ни у кого не вызывает сомнений, что гражданский иск, вытекающий из вреда, причиненного преступлением, является институтом уголовного процесса

Поскольку право потерпевшего на возмещение причиненного преступлением вреда является неотъемлемой частью его процессуального статуса в уголовном судопроизводстве, поскольку заслуживает самого пристального внимания взгляд на проблему обеспечения прав потерпевшего от преступления в плане выдвинутой учеными концепции судебного права. Это предполагает наличие связи, общих существенных свойств процессуальных отраслей права, а, следовательно, и условий для интегрированного исследования проблем правосудия [8, С.42]. Это позволяет взглянуть на правосудие не на как определенные судебные процедуры (при рассмотрении уголовных, гражданских и административных дел), а как на способ защиты конституционных прав (судебное право).

Не только соображениями быстроты уголовного правосудия (принцип процессуальной экономии) продиктованы подходы законодателя, которые позволяют в рамках уголовного процесса рассматривать гражданский иск (ст.ст. 44, 45, 54, 115, 228, 299, 306, 309 и др. УПК). Это предпочтительнее как для заинтересованных лиц, так и для суда (экономия средств, лучшие условия для более точного установления размера ущерба, общие правила доказывания, более эффективное обеспечение явки ответчика и обеспечение иска [28, С.234]. Разрешение гражданского иска помогает уточнить квалификацию, правильно установить гражданско-правовые последствия преступления и выбрать справедливую меру наказания

и, что очень важно, наиболее быстро восстановить нарушенные права потерпевших [6].

Прежде всего сложность на практике представляет обеспечение прав потерпевшего при разрешении вопросов о порядке предъявления иска и его разрешения судом. Надо согласиться с мнением, что предъявление гражданского иска на стадии предварительного следствия является по большому счету формальностью [28, С.234]. О каком иске может идти речь, если не решен вопрос с размером ущерба, не предъявлено обвинение и т.д. Признание гражданским истцом может иметь место лишь после установления того, что совершенным преступлением лицу непосредственно причинен материальный, физический или моральный вред. На невозможность рассмотрения регрессных требований в уголовном процессе указал Верховный Суд РСФСР в своем определении по делу Ш. [4]. Представляется не случайным поэтому, что законодатель пошел по пути увеличения срока, в течение которого может быть предъявлен иск (до окончания судебного следствия).

УПК РФ предусматривает единственное основание для передачи вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства – необходимость произвести дополнительные расчеты, связанные с гражданским иском (ч.2 ст. 309 УПК РФ), требующие отложения судебного разбирательства. По нашему твердому убеждению, это основание, перешедшее без изменений из УПК РСФСР, изжило себя. Это положение было в прежней системе уголовно-процессуальных норм, где действовал принцип непрерывности в уголовном процессе и суд выполнял не свойственные ему функции, в частности, мог по своей инициативе взыскать ущерб в пользу потерпевшего.

В современной судебной практике иски, по которым требования о возмещение ущерба исчисляются числами «со многими нулями и требуют серьезного экономического исследования», являясь, по мнению некоторых юристов, проблемой, заслуживающей внимания, в действительности встречаются достаточно редко [6]. В большей степени это является достаточно часто поводом скрытого нежелания судей заниматься тем, что, исходя

из «разделения труда», должны делать их коллеги-цивилисты [17]. Специализация судей является сугубо ведомственной проблемой и не должна ставиться выше интересов правосудия и защиты прав потерпевшего.

На это ориентирует и действующее постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23.03.1979 г. № 1 (в редакции постановления Пленума Верховного Суда СССР от 26.04.1984 № 7). Так, в п.п. 1,4 и 7 названного постановления обращается внимание судов на необходимость точного и неуклонного выполнения законодательства о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением. По каждому такому делу суд должен разрешать гражданский иск, принимать меры по обеспечению возмещения материального ущерба и только в исключительных случаях может признать за гражданским истцом право на удовлетворение иска с передачей вопроса о его размере на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства, когда невозможно произвести подробный расчет о размере иска без отложения судебного разбирательства и при условии, что размер ущерба не влияет на квалификацию содеянного, назначение подсудимому меры наказания и на решение других вопросов, возникающих при постановлении приговора. Однако некоторые положения данного постановления устарели и судебная практика настоятельно требует его обновления [26].

Понятно, что гражданский истец вправе по завершению первого (уголовного дела) начать по своей инициативе гражданское дело и добиться разрешения гражданского иска с использованием правил преюдиции [18]. Однако его право судебной защиты оказалось в таком случае затрудненным (распыляется единство судебной истины), хотя первое дело уже рассматривалось, а во втором деле вновь имело место выяснение тех же вопросов, что вредно не теоретически, а с позиции эффективности закона, то есть достигаемого результата [19, С.20]. Необходимо также учесть, что иск, подлежащий удовлетворению, независимо от его величины будет соответствовать, как правило, характеру и размеру вреда, причиненного преступлением, который подлежит

доказыванию в уголовном судопроизводстве (п. 4 ч.1 ст. 73 УПК).

Другие вопросы, в частности, о порядке предъявления иска и соответствии его форме и содержанию должны разрешаться путем аналогии с гражданским процессом. По этому пути в основном идет и судебная практика [7]. Однако предложения В.В. Владимировой закрепить положения ГПК в части иска в обязательном порядке в нормах УПК РФ требуют взвешенного подхода и дополнительного исследования. Введение института обязательного участия адвоката в качестве представителя потерпевшего, как уже отмечалось, решило и проблемы, нередко возникающие в связи с подготовкой гражданского иска. Немаловажно предложить в такой ситуации обязать прокурорских работников, поддерживающих обвинение в суде, обеспечивать возмещение причиненного потерпевшим ущерба от преступления, в том числе путем заявления гражданского иска не только в интересах государства, но и в интересах физических лиц, которые в силу определенных своих недостатков неспособны осознать в этом потребность.

Возникающие в литературе вопросы, связанные с «недопустимым совпадением» процессуальных полномочий обвиняемого (подсудимого) и гражданского ответчика (это является аргументом сторонников раздельного рассмотрения иска и уголовного обвинения [17], поскольку совмещение защиты от обвинения и от иска лишь на руку виновному), в судебной практике проблем не создают. Предложения ученых о введении категории уголовно-гражданских дел, с отнесением к ним дел об экономических, экологических и некоторых других преступлениях, а также уголовных дел с исками в защиту общественного интереса или группового иска [19, С.23] с позиции науки судебного права заслуживают интереса, но, вряд ли, будут иметь практический смысл. Действующее уголовно-процессуальное законодательство решает многие из названных вопросов. Необходимо, на наш взгляд, лишь его дополнить более жесткими требованиями обязательности рассмотрения гражданского иска в рамках возбужденного уголовного дела, допуская признание за гражданским истцом права на удовлетворение

ние гражданского иска и передачи вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства только на случай прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям на досудебной стадии или на стадии подготовки к судебному разбирательству, а также, как исключение, при применении судами особого порядка судебного разбирательства.

Применительно к последнему случаю, несомненно, с точки зрения процессуальной экономии, заслуживает уважения правовая позиция Пленума Верховного Суда РФ, изложенная в постановлении от 05.12.2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (п. 11), которая позволяет рассматривать дела в таком порядке в отсутствие потерпевшего, надлежащим образом извещенного о месте и времени судебного заседания. Однако не совсем понятно, каким образом, при этом суд должен проверить, что он не возражает против заявленного обвиняемым ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке. В такой ситуации некому будет подтвердить подлинность письменного согласия потерпевшего, полученного вне рамок процессуальной формы (например, в судебном заседании).

Согласно п. 12 названного Постановления: «Если по уголовному делу, рассматриваемому в особом порядке, предъявлен гражданский иск, то при наличии соответствующих оснований он может быть оставлен без удовлетворения, производство по нему прекращено, в его удовлетворении может быть отказано либо по иску принять решение о передаче его на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства, если это не повлечет изменения фактических обстоятельств дела». Однако указанное правомочие суда о передаче иска на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства, не предусмотрено УПК РФ (ч.2 ст. 309). Учитывая, что данное руководящее постановление Пленума является предметом отдельного исследования, хочется лишь заметить, что оно толкует некоторые уголовно-процессуальные нормы прежде всего в пользу стороны защиты.

Попытки разрешить проблему потерпевших в уголовном судопроизводстве за счет расширения их полномочий путем закрепления права заявлять ходатайство о направлении уголовного дела для дополнительного расследования со стороны обвинения только потерпевшему и (или) его представителю [9], на наш взгляд, не основано на законе. Представление права ходатайствовать перед судом о возвращении дела прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом во всех случаях, когда в досудебном производстве были допущены существенные нарушения закона, не устранимые в судебном производстве, если возвращение дела не связано с восполнением неполноты проведенного дознания или предварительного следствия, только одной стороне, нарушило бы принцип состязательности и равноправия сторон, что недопустимо (постановление Конституционного Суда РФ 08.12.2003 № 18-П).

Наконец, заканчивая со стадией судебного производства, хочется остановиться на проблеме отказа прокурора от поддержания обвинения, которое влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по реабилитирующим основаниям. Такое развитие уголовного судопроизводства существенно ущемляет законные интересы потерпевшего, так и не получившего satisfaction и не согласного с позицией государственного обвинителя [1]. Перспективы кассации подобных судебных решений могут привести к бесконечным и безрезультатным процессуальным ходам.

Конституционный Суд РФ указывает следующий путь разрешения подобных коллизий: вынесение обусловленного отказом от обвинения судебного решения о реабилитации подсудимого допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений по этому поводу участников судебного заседания со стороны обвинения (потерпевшего и его представителя) и защиты. Законность, обоснованность и справедливость такого решения могут быть проверены вышестоящим судом. При этом вышестоящий прокурор, если он установит, что нижестоящим прокурором не были обес-

печены публичные интересы, вправе и обязан отменить принятые нижестоящим прокурором решение и (или) прекратить осуществляемые им действия (постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 г. «О проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» – Российская газета. 2003 23 декабря.). Такое решение нельзя признать ни полным, ни убедительным, ни окончательным, поскольку оно не может удовлетворить потерпевших.

Во взаимосвязи с процессуальным институтом отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения, который с учетом его процессуальных последствий нуждается в существенном совершенствовании, находятся и положения уголовно-процессуального закона, запрещающие суду надзорной инстанции принимать решения, ухудшающие положение осужденного, без каких-либо исключений. Положения ст. 405 УПК РФ 2001 г. (в первоначальной редакции) были восприняты учеными и правоприменителями как шаг назад, поскольку в данных условиях осуществление функций уголовного преследования в стадии надзорного производства оказалось невозможным, тогда как функция защиты сохранилась, что ограничивало конституционное право потерпевшего на судебную защиту его законных интересов по полному возмещению причиненного преступным деянием вреда и назначению виновному в совершении преступления лицу справедливого наказания [21].

Итоги многочисленных критических выступлений в юридической печати и жалоб потерпевших, а также запросов судов общей юрисдикции подвел Конституционный Суд РФ, который своим постановлением от 11.05.2005 № 5-П признал ст. 405 «в той мере, в какой она в системе действующего уголовно-процессуального регулирования пересмотря вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда, не допуская поворота к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора по жалобе потерпевшего (его представителя), или по представлению прокурора, не позволяет

тем самым устраниТЬ допущенные в предшествующем разбирательстве существенные (фундаментальные) нарушения, повлиявшие на исход дела, признана не соответствующей Конституции РФ... (Российская газета. 2005, 20 мая). Верховный Суд РФ прокомментировал эту новеллу в уголовном процессе, в решении по конкретному делу, подчеркивая экстраординарный характер поворота к худшему в надзорном производстве. Президиум Верховного Суда РФ своим постановлением от 11 мая 2005 г., оставляя без удовлетворения надзорное представление заместителя Генерального прокурора РФ, указал, что в нем не приведено каких-либо доводов, по которым допущенная в кассационном производстве ошибка может рассматриваться как существенное (фундаментальное) нарушение норм УПК, повлиявшее на исход дела [5].

И если на стадии судебного производства равноправие сторон и состязательность обеспечиваются в целом самой процессуальной формой осуществления правосудия, то есть регламентом судебного заседания (п. 50 ст. 15 УПК РФ), то судебный контроль на досудебной стадии уголовного судопроизводства с учетом динамики его развития, по мнению ученых, предполагает уже в ближайшем будущем (безотлагательно) усиление законодателем его правовых средств [8, С.68-109].

Не останавливаясь подробно на проблемах судебного контроля, вопросы которого выходят за рамки настоящей статьи, хочется отметить лишь две правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, имеющие важное значение для понимания процессуального положения потерпевшего от преступления на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Одну из них он сформулировал в постановлении от 11 мая 2005 г. № 5-П по делу о проверке конституционности статьи 405 УПК РФ. Согласно этой позиции уголовно-правовой статус лица как виновного (или невиновного) в совершении преступления и подлежащего (или не подлежащего) уголовной ответственности и наказанию определяется судом. Постановлениями по результатам рассмотрения жалоб на принятые в ходе досудебного производства решения об отказе в возбуждении уголовного дела или

о его прекращении уголовно-правовой статус лиц, в отношении которых эти решения вынесены, судом не определяется. В них дается лишь оценка законности и обоснованности решения органа дознания, дознавателя, следователя или прокурора, и либо жалоба оставляется без удовлетворения, либо соответствующее должностное лицо обязывается устраниить допущенные нарушения. Сам по себе пересмотр таких судебных постановлений не может расцениваться как ухудшающий или улучшающий положение лиц, по делам которых они вынесены

Поэтому в порядке ст. 125 УПК РФ (в ред. Федерального Закона от 04.07.2003 № 92-ФЗ) судья проверяет законность и обоснованность действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя, прокурора в судебном заседании с участием заявителя и его защитника, законного представителя или иных лиц, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым действием (бездействием) или решением, а также с участием прокурора. Поэтому встречающееся в литературе мнение о том, что практика настоятельно требует более четкого определения круга таких субъектов, конституционным правам и свободам которых причиняется ущерб обжалуемым действием, не основано на законе [14].

В литературе многократно обращалось внимание на необходимость при решении вопроса о мере пресечения в виде заключения под стражу, предоставления потерпевшему прав участия при избрании меры пресечения в виде содержания под стражей, ознакомления с направляемыми в суд материалами и обжалования судебного постановления [12]. Право на участие в судебном заседании потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей при рассмотрении судом ходатайства следователя (дознавателя) об избрании в отношении подозреваемого (обвиняемого) меры пресечения в виде заключения под стражу не предусмотрено. Однако, учитывая, что согласно ч. 3 ст. 123 Конституции РФ стороны в судопроизводстве равноправны, а также в силу того, что на основании п. 2, 4, 5 ч.2 ст. 42, п. 2, 4, 5 ст. 44, ч. 3 ст. 45, п. 5, 7, 8 ч.2 ст. 54 и ч.2 ст. 55 УПК РФ, а также правовых позиций, сформулированных Конс-

титуционным Судом РФ в своих постановлениях от 08.12.2003 № 18-П, от 11.05.2005 № 5-П, данные субъекты уголовного процесса вправе давать показания, представлять доказательства и заявлять ходатайства, в порядке обеспечения этих прав их участие в судебном заседании возможно при рассмотрении судьей стороны обвинения о заключении под стражу подозреваемого, обвиняемого [13].

Необходимо согласиться и с обоснованным аргументом их оппонентов – указание среди оснований заключения под стражу соответствующей просьбы потерпевшего является нарушением уголовно-процессуального закона (суд при решении этого вопроса не дает оценку доказательствам и виновности) [30]. Нередко встречающиеся в литературе предложения о реформировании самой судебной системы применительно к освещаемой проблеме касаются введения института следственных судей, которые бы наделялись судебно-контрольными функциями на всех стадиях досудебного производства [20]. Европейские стандарты защиты прав человека не исключают возможность существования такой системы судов [29].

Другое предложение юристов о введении федеральных судей, функции которых ограничивались бы судебным контролем за действиями должностных лиц при производстве по жалобам потерпевших [15], еще не нашло применения в Европе. Если первое предложение вполне может быть осуществимо уже сегодня путем перераспределения функций между имеющейся штатной численностью федеральных судей в районных и соответствующих им судах общей юрисдикции, то последнее неприемлемо не только с позиции узкой специализации судей, но и противоречит принципу равноправия всех перед судом.

В заключение, не претендуя на безапелляционность данной статьи и выводов из нее, хочется еще раз обратиться к международным нормам. Россия до настоящего времени неratифицировала Европейскую Конвенцию «О возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений» (Страсбург, 24.11.1983), которая предусматривает возмещение ущерба жертвам насильственных преступлений государством, если преступник не может быть

подвергнут уголовному преследованию (не установлен) или быть наказан (ст.2). Поэтому в России, где потерпевший имеет право на возмещение вреда лишь в случае установления вины вступившим в законную силу судебным постановлением, в случае нераскрытия преступления это право законопослушному гражданину государство обеспечить не может [28, С.237-238].

Литература:

1. Безлепкин, Б.Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С.30.
2. Божьев, В., Коомбаев, А. Процессуальный статус гражданина, потерпевшего от преступления по законодательству России и Кыргыстана // Уголовный процесс.- 2006.- № 5.- С.95-98.
3. Брусницын, Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный опыт и международный опыт XX века (процессуальное исследование). М.: ООО Изд-во Юрлитинформ, 2001.-С.173-178.
4. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1970.- № 9. – С.11.
5. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006.- № 2.- С.23-24.
6. Владимирова, В.В. Гражданский иск в российском уголовном процессе // Уголовный процесс.- 2005. – № 10. – С.47-52.
7. Владимирова, В.В. Компенсация морального вреда по делам о преступлениях, повлекших смерть человека //Уголовный процесс. – 2005. – № 11.- С.59-64.
8. Гуськова, А.П., Муратова, Н.Г. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства Монография. – М.:ИГ «Юрист», 2005.
9. Жеребятьев, И.В. Процессуально-правовое положение личности потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве //Автореф. дисс. ...уч.ст.канд.юрид.наук.-Челябинск, 2004.- С.8.
10. Кашепов, В.П. Институт судебной защиты прав и свобод граждан и средства ее реализации //Государство и право. – № 2. – 1998. – С.66.
11. Ковтун, Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве.-Н.Новгород, 2002.-С.219.
12. Колоколов, Н.А. Защита интересов жертв преступлений: возможные пути совершенствования процессуального закона //Юрист.- М., 1999 – №2, – С.49;
13. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. /Под общ. Ред. В.П. Верина, В.В. Мозякова. – М.: Издательство «Экзамен», 2004. – С.268.
14. Курохтин, Ю.А. Актуальные проблемы реализации конституционного принципа состязательности в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство.- 2006. – № 3.- С.22-25.
15. Лосик, Р.В. Судебная защита прав потерпевшего: Сборник статей. Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального законодательства в современных условиях. (Материалы научно-практической конференции, проводимой на прокурорско-следственном факультете Военного университета).- М.:, 2006.- С. 78-80.
16. Мизулина, Е. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту, Тартуский университет, 1991.- С.24-25.
17. Милицин, С., Попков, Е. Уголовное дело и гражданский иск: вместе или порознь? // Российская юстиция.- 2001. – № 7. – С.46-49.
18. Мотовиловкер, Я.О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете Нового Уголовно-процессуального законодательства. Кемерово, 1962. – С.130.
19. Мурадьян, Э.М. Судебное право (в контексте трех процессуальных кодексов) /Монография. – М.:Проспект, 2003,- С. 20.
20. Муратова, Н.Г. Исторические очерки становления и развития уголовно-процессуального права: Учебное пособие: Лекции для аспирантов-юристов КГУ.- Казань: Изд-во Казанск. Ун-та, 2006. – С.19-20.
21. Муратова, Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практика. Казань, 2005.-С.73.
22. Новиков, Я.О. Практика участия защитника в предварительном расследовании по делам о преступлениях, совершенных военнослужащими: Сборник статей. Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального законодательства в современных условиях. (Материалы научно-практической конференции, проводимой на прокурорско-следственном факультете Военного университета).- М.:, 2006.- С.95-99)
23. Определение № 2-0109/99 // Обзор кассационно-надзорной практики Военной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам за 2000 г.
24. Парfenov, M.B. Законный представитель и представитель потерпевшего – участники уголовного судопроизводства, представляющие интересы потерпевшего // Уголовное судопроизводство. 2007. № 1. С.23-26.
25. Пиксин, Н.Н. Гражданский иск в уголовном процессе: реализация прав истца и ответчика // Уголовный процесс. 2005. № 3. – С. 33-37.

26. Сумачев, А.В. Пояснительная записка к проекту Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, связанных с учетом волеизъявления потерпевшего при применении уголовного или уголовно-процессуального законодательства» // Российский судья.-2004.- №1.- С.39-46.
27. Томин, В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. – 1991.- С.511
28. Трунов, И.Л. Защита прав личности в уголовном процессе. – М.: ИД «Юриспруденция», 2005.
29. Фоков, А.П. Конституционные гарантии судебной защиты прав и свобод граждан в современном уголовно-процессуальном законодательстве Франции // Государство и право.- 2001.- № 2.- С.71-74.
30. Фомин, М. Оценка адвокатом обоснованности ареста//Росс. Юстиция.- 2000.- № 4.- С.39.

